

Условия подписки
 съ доставкой и
 пересылкой по
 всей Россіи:
 на годъ . 4 р. — к.
 „ 1/2 года 2 „ — „
 „ 1 мѣс. — „ 30 .
 Перем. адреса 25 к.
 Непринятые рукописи
 не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

Такса объявлений:
 За стро у непара-
 рели въ 1 стол-
 бецъ:
 (1/4 шир. стран.)
 впер. текста . 90 к.
 позади . . . 60 .
 Постоянные заказы по
 соглашенію.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 40—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июнь. =

СКРИПАЧЪ.

Эпизодъ изъ франко-прусской войны.

Сади скрипачъ, державшій подъ рукой небольшой черный ящикъ, тщательно запиралъ на замокъ двери своей мансарды. Это было въ ночь на понедѣльникъ, 21 сентября 1870 г. Вотъ уже двадцать часовъ, какъ Сади ничего не ѣлъ и хотя онъ прекрасно понималъ, что въ Страсбургѣ мало найдется съѣстнаго, онъ все же рѣшилъ выйти и поискать чего-нибудь.

Сегодня наступила тридцать вторая ночь съ тѣхъ поръ, какъ ненавидимые пруссаки окружили городъ, подобно стаямъ саранчи. Не проходило почти минуты ни днемъ, ни ночью, чтобы пушки не гремѣли и ядра не разрушали чего-нибудь на улицахъ стараго, великолѣпнаго Страсбурга.

Даже и теперь, когда скрипачъ вышелъ изъ дому, огромная граната, пущенная съ сѣверо-западной батареи, свистя и вздыхая, пронеслась надъ нимъ и съ трескомъ разорвалась надъ крышей дома, сосѣдняго съ его собственнымъ.

— «Зажигательная граната», — подумалъ Сади, и пламя, показавшееся въ ту же минуту на крышѣ, подтвердило, что онъ былъ правъ.

Онъ зналъ, что каково бы ни было его жалкое имущество, оно будетъ скоро поглощено потоками дыма и огня; старикъ глубоко вздохнулъ, вспомнивъ о портретѣ, за который онъ готовъ былъ дать Богъ знаетъ что, только бы спасти его.

Онъ сожалѣлъ теперь, что не взялъ его съ собою. Стоя на узкомъ тротуарѣ въ то время, какъ языки пламени лизали окно его мансарды, онъ вспоминалъ тотъ день, когда Люси, дочь Люденмейра, артиста изъ Бадъ-Наугейма, дала ему свой портретъ, написавъ въ одномъ углу; «въ знакъ благодарности».

— Мы никогда не вернемся въ Страсбургъ, никогда не встрѣтимся больше, дорогой другъ! — сказала она ему на прощанье. Онъ зналъ, что это правда, и глаза его затуманились, когда онъ повернулся въ

сторону отъ горѣвшаго дома и направился дальше по ужаснымъ улицамъ.

Мало кто встрѣчался ему на пути, потому что на улицу было опасно выходить, такъ какъ надъ ними все время летали гранаты, посылаемыя въ городъ пруссаками.

Сади привыкъ къ ужаснымъ взрывамъ и свистамъ, сопровождающимъ осаду города, и они не пугали его больше.

Сади-скрипачъ былъ глухъ къ плачу и крикамъ,

Стычка итальянскаго бронированнаго автомобиля съ разбѣдомъ австрійскихъ улановъ.

раздававшимся среди горящих домовъ, а на предостереженіе солдата, что онъ идетъ въ самый центръ огня, онъ отвѣтилъ короткимъ «благодарю».

— Можешь сыграть мнѣ пѣсню, старина! — сказала солдатъ.

Сади отвѣчалъ:

— Зачѣмъ, другъ мой, когда дома и безъ того танцуютъ?

Да! Дома танцовали, и безумная музыка пушекъ звучала еще ужаснѣе, когда Сади приблизился къ укрѣпленіямъ.

Темный, задній фонъ неба ежеминутно прорѣзывался линіей огня, указывающей направленіе зажигательной гранаты, которая неслась надъ городомъ, падая на домъ, или на церковь, или на цитадель. Земля кругомъ представляла обширное пространство всякаго мусора и обломковъ, пустыню развалинъ.

Сади не зналъ, собственно, зачѣмъ онъ пришелъ сюда, и не надѣялся добыть здѣсь хлѣба; когда же онъ наткнулся на зіяющій подвалъ, ему пришло вдругъ въ голову, что жители должны были покинуть этотъ домъ впопыхахъ, а потому оставили навѣрное здѣсь всѣ запасы бывшей у нихъ провизіи.

Мысль о возможности утолить мучившій его голодъ заставила его спуститься въ погребъ, какъ школьника, ищущаго приключеній.

Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и силою, присутствія которой онъ даже не подозрѣвалъ у себя, прокладывая онъ путь среди щепня, перебирался черезъ балки, спускаясь подъ своды подвала. Онъ походилъ на скупца, отыскивая свое золото, и когда наконецъ, опустился до такого мѣста, гдѣ могъ выпрямиться во весь ростъ, испытывалъ такую же радость, какъ изслѣдователь, открывшій неизвѣстный городъ.

Восторгъ его, къ несчастью, длился не болѣе минуты. Сади только что подумалъ, какой, собственно говоря, онъ счастливый малый, когда чья-то огромная рука,

вынырнувшая откуда-то изъ темноты, схватила его вдругъ за горло, и яркій свѣтъ фонаря ослѣпилъ ему глаза.

— Эй ты, гробокопатель, — крикнулъ голосъ на ломаномъ французскомъ языкѣ, — что тутъ дѣлаешь?

Это былъ нѣмецъ — нельзя было сомнѣваться въ этомъ. Настоящій великанъ, вѣроятно, пруссакъ съ сѣвера; на немъ былъ мундиръ французскаго егерскаго полка, до смѣшного малый для него.

Одаренный отъ природы большой сообразительностью, Сади сразу догадался, чѣмъ занимался этотъ громадный малый. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прусскихъ шпионовъ, которые весьма ловко пробирались въ Страсбургъ и уходили изъ него. Это пустынное мѣсто города служило имъ вѣрнымъ убѣжищемъ, гдѣ они въ полной безопасности выжидали удобнаго случая вернуться обратно къ своимъ, скрываясь тамъ точно мыши въ своемъ логовѣ.

Сади стоялъ неподвижно, какъ статуя, несмотря на то, что лобъ его покрылся крупными каплями пота.

— Безъ глупостей! — громко крикнулъ пруссакъ. — Будь честенъ со мною... что ты здѣсь дѣлалъ? Даю тебѣ полминуты на объясненіе.

Сади задыхался отъ волненія, но отвѣчалъ сравнительно спокойнымъ голосомъ:

— Вотъ уже двадцать часовъ, какъ я ничего не ѣлъ, и пришелъ поискать здѣсь чего-нибудь съѣстного...

Пруссакъ перебилъ его съ грубымъ смѣхомъ:

— Ты питался, надо полагать, червями, мѣшокъ ты съ костями... Ну, полно, время уходитъ, и пальцы мои горятъ отъ нетерпѣнія. Дуракъ ты, если не хочешь быть откровеннымъ со мною!

Онъ медленно поднялъ револьверъ и приложилъ холодное дуло его къ лбу Сади.

Сади задрожалъ всѣмъ тѣломъ, прижалъ руку къ сердцу, но не могъ произнести ни единого слова.

Пруссакъ съ насмѣшливымъ выраженіемъ сталъ считать:

— «Разъ, два, три,—говорилъ онъ,— «я, каналья ты эдакая, просчитаю до десяти»,—и онъ началъ снова.

Онъ произнесъ уже «пять», когда чей-то голосъ заставилъ его обернуться назадъ и отдать честь по правиламъ воинскаго устава.

— Ахъ, господинъ поручикъ, тутъ есть дѣло для васъ:—Я нашелъ эту крысу здѣсь, въ этой дырѣ. Посмотрите вотъ на него и рѣшите, къ какому сорту принадлежитъ этотъ мошенникъ.

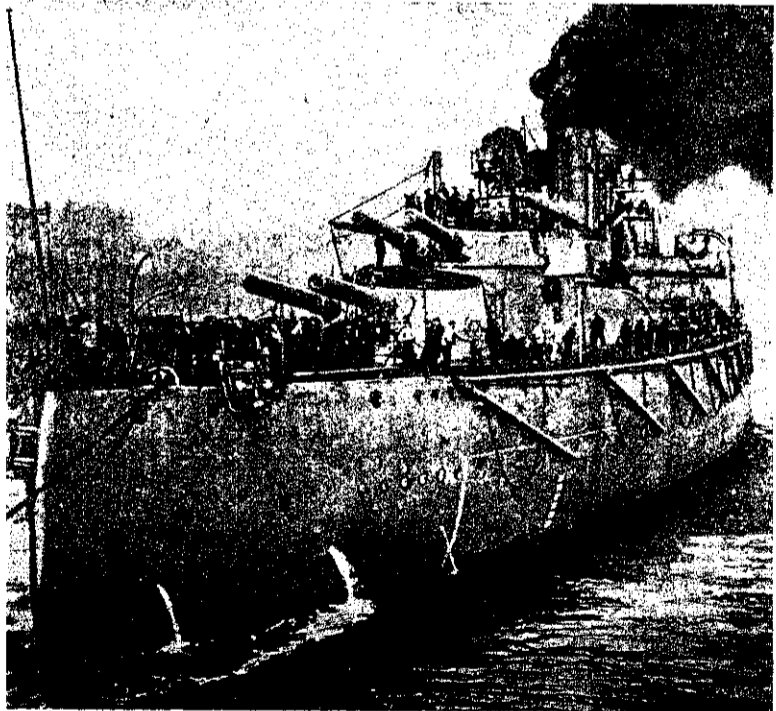
Вновь пришедшій былъ совсѣмъ еще молодой, красивый нѣмецъ не болѣе двадцати лѣтъ. На немъ былъ также французскій мундиръ.

Дыханіе Сади ускорилось—и онъ смѣло обратился къ юношѣ:

— Господинъ поручикъ, ничего подобнаго здѣсь нѣтъ; я бѣдный скипачъ, мансарду котораго люди ваши только что сожгли.

— Вы скрипачъ. Чѣмъ докажете вы это?

— Своей скрипкой, — отвѣчалъ Сади почти веселымъ тономъ.—Вы найдете ее тамъ, наверху лѣстницы.

Итальянское военное судно.

Батальная живопись прошлого. Типъ батальной картины, изображающей сраженіе.

— Поди и посмотри, — сказала офицеръ солдату; — до разсвѣта у насъ достаточно еще времени, чтобы расправиться съ нимъ. Капитанъ, къ тому же, очень любитъ музыку.

Солдатъ вышелъ изъ подвала, а поручикъ остался внизу и, покуривая сигару, съ насмѣшливой улыбкой поглядывалъ на Сади.

— Плохи ваши дѣла, не правда-ли? — спросилъ онъ.

— Такъ плохи, что я умираю отъ голода, — просто отвѣчалъ ему Сади.

— Ага? И вы надѣялись найти себѣ ужинъ среди кучь мусора... какъ и подобаетъ скрипачу?

— Вотъ уже три года хожу я каждый вечеръ къ укрѣпленіямъ и обратно, — отвѣчалъ Сади со всею сдержанностью, какая еще оставалась у него. — Привычка тянетъ меня туда... да и кому вредитъ это?!

— Капитанъ все объяснитъ вамъ... Я не хочу надеживаться на васъ, старина!.. Онъ прикажетъ разстрѣлять васъ. Что касается меня, я человѣкъ очень чувствительный и предпочитаю живыя тѣла мертвымъ.

Собственный юморъ, видимо, забавлялъ офицера, и онъ продолжалъ:

— Можеть быть, вы не желаете читать вашихъ молитвъ? Другіе люди дѣлаютъ это вообще, когда французы играютъ на скрипкѣ. А вотъ и скрипка ваша... поиграемъ вмѣстѣ.

Солдатъ вернулся въ это время, неся съ собой ящикъ въ черномъ кожаномъ футлярѣ.

Когда поручикъ грубо схватилъ его, Сади показалось, что кто-то нанесъ ему ударъ сзади.

— Осторожнѣе, ради самаго Бога, — крикнулъ онъ. — Знаете-ли вы, что скрипка моя стоитъ пять тысячъ франковъ?

— Для насъ она стоитъ, быть можетъ, еще больше, — отвѣчалъ поручикъ. — Капитанъ самъ прослушаетъ вашу музыку, Сюда, пожалуйста, и берегите вашу драгоценную голову, если вы не предпочитаете пистолеты.

Поручикъ толкалъ Сади къ дверямъ въ глубинѣ подвала, гдѣ нѣсколько ступенекъ спускались внизъ и вели во второй подвалъ, болѣе обширный и не такъ загроможденный обломками.

Здѣсь на простомъ, грубомъ столѣ горѣли свѣчи, а въ сторонѣ отъ него топился очагъ и нѣсколько фигуръ

двигалось вокругъ котла, изъ котораго разносился очень вкусный, аппетитный запахъ.

Сади сразу замѣтилъ, что попалъ въ самое гнѣздо пруссаковъ. Онъ не сомнѣвался, что здѣсь находились люди, которые съ самаго начала осады приносили въ свой лагерь разныя новости изъ Страсбурга; громкія восклицанія, когда дверь открылась при его появленіи, обмѣнъ сигналовъ съ разныхъ сторонъ, все приводило его къ этому заключенію.

Солдатъ толкнулъ Сади къ очагу, и тотчасъ же къ нему со всѣхъ сторонъ потянулись грубыя, враждебныя лица, а нѣкоторыя подносили къ нему свѣчу, чтобы лучше разсмотрѣть его. На вопросы: — «Кого вы привели сюда; что это еще за птица?» — поручикъ отвѣчалъ: — должень видѣть капитана, разбудите его, пожалуйста.

Въ тотъ томительный промежутокъ, когда кто-то подошелъ къ спящей фигурѣ въ отдаленномъ концѣ подвала, чтобы разбудить ее, къ Сади подошелъ чловѣкъ, стоявшій у котла, и повидимому, довольно участливо спросилъ его, не голоденъ-ли онъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ набралъ полную ложку супу и съ злораднымъ смѣхомъ вылилъ его на руку плѣнника. Сади-скрипачъ громко вскрикнулъ отъ неожиданности и жестокой боли.

Прежде чѣмъ поварь, стоявшій у котла, успѣлъ повторить свою дикую продѣлку, къ нимъ подошелъ до-

Взрывы миннаго загражденія въ Дарданеллахъ.

Венецианцы наблюдают первый австрийский аэропланъ, появившійся надъ городомъ.

родный человекъ, спавшій передъ этимъ въ альковѣ, и ударомъ по уху оттолкнулъ того въ сторону.

— Кто это по вашему, сержантъ? — спросилъ вновь пришедшій.

— Шпіонъ съ укрѣпленій. Я во-время захватилъ его, господинъ капитанъ,—отвѣчалъ солдатъ-великанъ.

— Но это не шпіонъ... Это Сади-скрипачъ.

Сади громко вскрикнулъ отъ радости.

— Люденмейеръ! Вы, мой другъ!—воскликнулъ онъ.

— Сади! Старый Сади-скрипачъ! Невозможно!

— Очень даже возможно... Старый Сади, какъ вы говорите, и до того голодный, что готовъ ѣсть обглоданные кости съ вашихъ тарелокъ.

— Тогда онъ поужинаетъ съ нами. Голодный человекъ становится другомъ даже чуждой ему компаніи. Скорѣе, сержантъ, налейте нашему другу кружку супу!

— Эй, Сади! Вы не откажетесь съѣсть кружку супу? Позвольте намъ посмотреть, какъ вы приметесь за него. О старыхъ друзьяхъ мы поговоримъ потомъ.

Среди людей, сидѣвшихъ за столомъ, послышался ропотъ, но сержантъ слѣпо повиновался данному приказанію, и передъ удивленнымъ Сади очутилась кружка горячаго супу.

Люденмейеръ, обрадованный тѣмъ, что встрѣтилъ стараго знакомаго, спѣшилъ увѣрить остальныхъ, что имъ нечего бояться Сади. Услыша послѣднія слова, Сади положилъ на мѣсто ложку и сказалъ своему другу:

— Не совсѣмъ такъ... Будь въ моей власти, я повѣсилъ-бы цѣлую кучу вашихъ!

Всѣ расхохотались... Они смѣялись надъ его безумнымъ стремленіемъ выказать свой патріотизмъ даже съ приставленнымъ ко лбу дуломъ пистолета.

Они обѣщали, что городъ его просуществуетъ не болѣе двадцати, тридцати, сорока часовъ.

Люди эти, смѣющіеся передъ лицомъ смерти и пренебрегающіе опасностью,—сколько ужасныхъ дѣлъ совершили они въ теченіе осады, способствуя неизбежной гибели, разрушенію и смерти, ожидающей его! Не имѣтъ возможности наказать ихъ, потребовать у нихъ отчета!—съ горечью думалъ Сади.

И въ головѣ его мелькнула вдругъ мысль, не можетъ

ли онъ самъ сдѣлаться орудіемъ этого наказанія,—онъ, скромный скрипачъ...

Мысль эта пришла къ нему совершенно неожиданно, когда пруссаки ужинали.

Онъ былъ твердо убѣжденъ, что, предавая этихъ людей Франціи, онъ жертвовалъ своею жизнью, но возможность такой жертвы нравилась ему, и онъ сожалѣлъ только объ одомъ,—что ничего не могъ сдѣлать, не погубивъ отца той, которую онъ такъ глубоко любилъ.

Да, если онъ призоветъ сюда французовъ, они не пощадятъ ни одного человекъ, и Люденмейеръ погибнетъ съ другими.

Странное это было зрѣлище: огромный подвалъ, освѣщенный нагорѣвшими свѣчами, красноватый огонь очага и мрачныя фигуры дожгихъ пруссаковъ, занятыхъ ѣдой и своими трубками.

Время отъ времени кто-нибудь изъ нихъ выходилъ и затѣмъ возвращался съ донесеніемъ о томъ, что дѣлается на укрѣпленіяхъ или на улицахъ.

Молодой поручикъ вышелъ въ свою очередь около полуночи, и Сади понялъ что онъ отправился по ту сторону укрѣпленій, пока товарищи пили шампанское большими стаканами, желая ему успѣха.

Часы проходили за часами, и веселость пруссаковъ становилась все болѣе и болѣе шумной, а по мнѣнію Сади—даже опасной.

Люденмейеръ много разъ пытался водворить молчаніе, но пруссаки, разгоряченные виномъ, повиновались ему только на минуту, а затѣмъ снова начинали галдѣть и смѣяться.

Въ самый разгаръ этого веселья, Сади тронулъ своего друга за плечо, рѣшившись на первую ложь за всю свою жизнь.

— Вы простились съ поручикомъ?—спросилъ онъ шопотомъ.—Надѣюсь, что да... Вы никогда больше не увидите его, другъ Люденмейеръ!

Капитанъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ Сади на кучѣ соломы, засмѣялся недовѣрчиво, но не могъ скрыть своего волненія, когда спросилъ:

— Почему же мы не увидимъ его больше, Сади?

— Потому что тамъ извѣстно, въ какомъ мѣстѣ онъ долженъ перебраться сегодня ночью.

— Извѣстно? Кому же это извѣстно?

— Левуару и его штабу. Слухъ давно уже носится, что вы скрываетесь гдѣ-то среди развалинъ. Я пришелъ сюда, чтобы предупредить васъ... васъ однихъ, само собою разумѣется, не другихъ.

Онъ поднялъ палецъ, какъ бы желая сказать:—«это тайна между нами».

Люденмейеръ задумался на минуту надъ словами Сади, а затѣмъ сказалъ:

— Левуаръ былъ вашимъ пріятелемъ, сколько мнѣ помнится?

— Я имѣлъ честь давать его женѣ уроки на скрипкѣ.

— И это она все рассказала вамъ?

Онъ самъ подсказалъ отвѣтъ Сади, и скрипачъ съ жадностью ухватился за него.

— Это не такъ важно для дѣла. Если вы сомневаетесь въ ея словахъ, удостовѣритесь въ этомъ сами. Друзья ваши не способны теперь на это.

— Это вѣрно. Они думаютъ, что все уже сдѣлано. Я долженъ идти, конечно, Сади... и васъ возьму съ собой.

— Нѣтъ, Люденмейеръ! Мнѣ нечего тамъ дѣлать... къ тому же, я чувствую себя здѣсь хорошо.

— Въ настоящее время, да... но случись со мною что-нибудь—и они повѣсятъ васъ, другъ Сади!

— Попробуюсь, чтобы этого не было, Люденмейеръ! Помните только, я дѣлаю это для васъ однихъ. Они не посмѣютъ, во всякомъ случаѣ, послушаться вашихъ приказаній.

— Дайте имъ слово, что вы будете молчать, и они отпустятъ васъ на всѣ четыре стороны. Это такъ легко сдѣлать, Сади.

— Пруссаку, можетъ быть, но не мнѣ! Мы были съ вами друзьями... развѣ этого недостаточно, Люденмейеръ? Всякій умный человекъ сразу пошелъ бы.

Оба взглянули другъ на друга, и пруссаку показалось, что онъ прочелъ что-то въ широко раскрытыхъ глазахъ и крѣпко сжатыхъ губахъ своего друга. У него мелькнула мысль, что онъ и дюжина шпионовъ, находившихся съ нимъ, попали въ ловушку, изъ которой только послѣднее бѣгство могло спасти ихъ. Простодушный старый скрипачъ зналъ навѣрное больше, чѣмъ говорилъ. Люденмейеръ, привыкшій всегда заботиться только о самомъ себѣ, думалъ и на этотъ разъ о своемъ спасеніи, и ему не было до того дѣла, что будетъ съ другими. Онъ былъ благодаренъ Сади и пожалъ ему руку.

— Такъ вотъ,—сказалъ онъ громко, чтобы всѣ слышали,—я долженъ идти, но я не долго буду въ отсутствіи. Не жалѣйте вина, Сади! Надѣюсь, господа, вы будете гостепріимны — обратился онъ ко всей компаніи,—онъ мой гость.

Въ отвѣтъ на это пруссаки отдали ему честь, и часовой шепнулъ, что путь свободенъ. Выходя изъ подвала, Люденмейеръ тихо сказалъ Сади:

— Будьте осторожны... они въ дурномъ настроеніи духа...

Сади кивнулъ головой, но сердце его забилося сильнѣе, когда дверь закрылась, и онъ мелькомъ взглянулъ въ лица пруссаковъ, надѣясь прочесть, что они намѣрены съ нимъ дѣлать послѣ ухода капитана. Сади зналъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, но когда великанъ взялъ револьверъ и зарядилъ его, скрипачъ не испугался.

«Они не застрѣлятъ меня,—подумалъ онъ, потому что не захотятъ дѣлать шуму».—Онъ боялся только веревки и крюка, торчавшаго вверху на балкѣ, но старался не показывать этого; отвернувшись со смѣхомъ отъ нихъ, онъ зарылся съ головою въ солому и сдѣлалъ видъ, что спитъ.

Скоро и всѣ остальные послѣдовали его примѣру, и подвалъ огласился тяжелымъ дыханіемъ усталыхъ людей.

Сади взялъ скрипку, которую ему вернулъ капитанъ, и нѣжно прижалъ ее къ себѣ, какъ единственное имущество, оставшееся у него на свѣтѣ.

Тишина этого уединеннаго мѣста давала возможность слышать всѣ ночные звуки,—и мычанье быковъ и ревъ гранатъ. Сади думалъ о томъ, что сказали бы французскія войска, приди онъ къ нимъ и скажи имъ:

— Подвалы старой церкви Св. Жерве наполнены прусскими шпионами; идите, вы найдете ихъ спящи-

Фехтованіе на штыкахъ—упражненія англійскихъ волонтеровъ.

ми.—Имѣй онъ возможность передать имъ это, и бѣдствіе послѣднихъ дней были бы отомщены! А между тѣмъ онъ былъ такъ безсиленъ!

Онъ зналъ, что всякая попытка двинуться изъ подвала навлечетъ на него неминуемую смерть.

Сади, убѣжденный въ безнадежности своего положенія, лежалъ неподвижно и считалъ часы.

Онъ даже заснулъ въ теченіе нѣкотораго времени и проснулся, разбуженный голосомъ часового, который спустился внизъ, чтобы предупредить своихъ товарищей.

Солдаты 53-го полка спѣшили на подмогу французскимъ артиллеристамъ...

Тяжелые шаги ихъ раздавались уже по улицѣ, и слышно было, какъ они спотыкались о камни и обломки разрушенныхъ домовъ.

Ихъ было много, очень много,—такъ говорилъ слухъ.

Изъ всѣхъ присутствующихъ, которые прислушивались къ этимъ шагамъ, одинъ только Сади не дрожалъ и не блѣднѣлъ.

Онъ осторожно вынулъ свою скрипку изъ футляра.

Тревога, поднятая часовымъ, не сразу дошла до сознания людей, полупроснувшихся и одурѣвшихъ отъ вина. Одни изъ нихъ сидѣли молча, широко открывъ ротъ, другіе продолжали лежать и прислушивались...

Полкъ идетъ, да! Но что-жъ изъ этого? Надо только лежать смирно, погасивъ огонь,—и безопасность ихъ была обезпечена.

Такъ думали они, когда вблизи гдѣ-то раздалась громкая музыка, которая мигомъ подняла ихъ на ноги и заставила искать оружіе.

Кто-то игралъ «Wacht am Rhein» прямо тутъ у нихъ надъ самымъ ухомъ...

Чей-то голосъ крикнулъ, чтобы зажгли огонь.

Страшная минута для Сади-скрипача!

Никогда еще не игралъ онъ съ такимъ азартомъ и съ такимъ увлеченіемъ, несмотря на то, что пули свистѣли кругомъ него и слышались взмахи сабель...

Онъ ни на что не обращалъ вниманія и игралъ все громче и громче...